

С глубокой заинтересованностью греческий исследователь подходит к истории Македонии поздневизантийского периода. Примером может стать интерпретация общественных пертурбаций, вызванных бурной деятельностью Иоанна Кантакузина. Этот знатный византийский вельможа, чуткий и отзывчивый на политические перемены своей эпохи, достиг императорского трона путем интриг и авантюры, повлекших для его страны тяжкие исторические последствия. Однако в образе Иоанна Кантакузина, воссозданном Г. Теохаридисом, чувствуется излишняя увлеченность ученого, некритическое восприятие им «Истории» экс-императора. В труде Г. Теохаридиса Иоанн Кантакузин обрисован как деятель, бескорыстно пекущийся о государственных делах (с. 387) и «вынуждаемый» к дворцовому перевороту (с. 388); Кантакузин как политик противопоставлен якобы истинному инициатору династической борьбы и виновнику несчастий всей страны Иоанну V Палеологу (ср. с. 410—411).

В целом из общего характера повествования Г. Теохаридиса о последних веках существования Византии становится ясно, что греческий историк, не отрицая прямо развития феодализма, считает социально-политическую систему империи принципиально отличной от общественного строя стран средневекового Запада (см. с. 369).

Приходится также констатировать, говоря о проблематике исследования Г. Теохаридиса, что проблемы социально-экономической истории занимают в его работе относительно небольшой удельный вес. Сколько-нибудь подробный очерк развития экономики Македонии в средние века отсутствует. Что же касается проявлений протеста народных масс против социального гнета, то речь о том заходит по существу лишь однажды — при описании восстания зилотов в Фессалонике в XIV в.

История Фессалоники — второго города империи — прослежена автором труда непрерывно, начиная с первых столетий существования Византии. Освещается и распространение в Фессалонике культа св. Димитрия, ее «покровителя», и административное значение города, описываются битвы, разыгранные под его стенами. Рассказ о восстании фессалоникийцев 1342—1349 гг. в настоящей монографии служит, таким образом, заключительным словом о «византийской» истории первого города Македонии.

Надо заметить, что исследователь, анализируя общие закономерности и условия развертывания общественных движений

первой половины XIV в., удачно определил сопряженность социальных и религиозных по своему характеру явлений: восстания зилотов и движения исихастов (с. 389). Не ускользнуло от внимания историка и обострение противоречий низов и верхов византийского общества, испытывавшего последствия экономического упадка, гражданской войны и политического кризиса. Вместе с тем, излагая ход восстания, Г. Теохаридис склонен преувеличивать исторические масштабы событий, происшедших в Фессалонике. В изображении греческого ученого зилоты представляются хорошо организованной политической партией со зрелой идеологией и выработанной на ее основе программой (с. 394—395). А расправа народных масс с одной из группировок городской знати, имевшая место в 1345 г., объявлена диктатурой пролетариата (с. 403). Иными словами, предложенная Г. Теохаридисом интерпретация восстания 1342—1349 гг. обременена грузом традиционных, повторяющихся в поколениях византистов ошибочных оценок характера выступления фессалоникийских горожан⁹.

Подводя итог, следует еще раз повторить, что рассматриваемый труд является вполне основательным и фундаментальным исследованием, построенным на изучении широкого круга источников. Однако общее благоприятное впечатление, оставляемое «Историей» Г. Теохаридиса, несколько ослабляется из-за крупных пробелов в составе привлекаемых для ее создания исследований, в первую очередь иностранных коллег греческого ученого. Для примера достаточно указать на подборку работ, посвященных исихазму. Последние из них в списке, представленном греческим историком, датируются первой половиной 1950-х годов (см. с. 389, примеч. 1). Имеются упущения и в других разделах труда. Но самым разительным, с точки зрения состава библиографии, изъяном оказывается недостаточное знакомство Г. Теохаридиса со славяноязычной литературой. В числе прочих остались неиспользованными основные исследования Г. Цанковой-Петковой, Л. Максимова¹⁰ и Г. Г. Литаврина.

Думается, что, несмотря на отмеченные недочеты, монография Г. Теохаридиса, обладающая несомненным научным и познавательным значением, даст в обобщенной форме необходимые специалистам различных профилей достоверные сведения об истории Македонии в средние века.

Ю. Я. Вин

Vier Prooimien zu Kaiserkurkunden, verfaßt von Demetrios Kydones/Édition, Textparaphrase und Kommentar F. Tinnefeld. BS. 1983. XLIV. f. 1, p. 13—30; f. 2, p. 178—195.

Небольшие по объему риторические введения к актам долгое время не привлекали внимания исследователей, поскольку было принято видеть в них лишь

констатацию известных, большей частью заимствованных из Священного писания сентенций, послуживших мотивом для волеизъявления императора. В настоящее

⁹ Подробнее об этом см.: Сюзюмов М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, 1968, XXVIII, с. 15—37.

¹⁰ Исследование Л. Максимова «Византијска провинцијска управа у доба Палеолога» (Београд, 1972), приведенное в списке использованной литературы (с. 443), осталось все-таки недоступным Г. Теохаридису (см. с. 365, примеч. 1).

время, когда византийская риторика усилиями многих ученых перестала быть только красивым соцветием высоких слов и банальных мыслей, прооимии явились объектом специального изучения. Интерес византистов к исследованию прооимиев очевиден¹.

Прооимии к императорским хрисовулам, как правило, писались не канцеляристами, а опытными роторами. Так, четыре прооимия к актам Иоанна V Палеолога были написаны его месадзоном Димитрием Кидонисом. Появление комментированного издания прооимиев Кидониса является еще одним итогом работы западногерманского ученого Ф. Тиннефельда по изучению творчества этого крупного византийского писателя и государственного деятеля XIV в. Издание прооимиев Димитрия Кидониса представляет собой публикацию греческого текста, подробный пересказ содержания, комментарий и пояснения к тексту. Публикации предшествует историографический обзор².

Ф. Тиннефельд не первым обратился к изданию текстов прооимиев Димитрия Кидониса. Начало изучению этого жанра сочинений византийского писателя было положено публикацией трех его прооимиев К. Цахариз фон Лигенталем. Восьмью годами позже, в 1896 г., Сп. Лампрос издал еще один прооимий Димитрия Кидониса. Таким образом, все известные поныне сочинения этого жанра, принадлежащие перу Кидониса, уже были представлены в печати. Однако публикация, осуществленная Ф. Тиннефельдом, не повторяет названия издания. Ей предшествовала тщательная обработка ученым всего комплекса рукописей, содержащих тексты прооимиев Димитрия Кидониса.

Ф. Тиннефельдом дана характеристика текстов прооимиев в рукописях Par., B. N., gr. 1213 (P), Lond., Brit. Museum, Burneyanus 75 (B), Vatic., Urbinas gr. 80 (U), Vatic., gr. 1879 (V), Par. Coislipianus 315 (C). Последняя рукопись, как известно, полностью повторяет рукопись Р. Кроме того, Ф. Тиннефельд учитывает без вести пропавшую рукопись, которую в свое время представил Цахариз фон Лигенталю греческий ученый и государственный деятель Г. Ралли (рукопись Zach.). Активные попытки Ф. Тиннефельда найти эту рукопись или узнать что-либо о ее судьбе остались безуспешными.

Как было отмечено, в новом издании прооимиев Кидониса учтены все свидетельства рукописей. Прооимий № 1 содержится в рукописи Р (а также С, ко-

торая ее повторяет). В рукописи Zach., судя по изданию 1888 г., имелось лишь две коротких цитаты из этого прооимия. Единственным свидетельством для прооимия № 2 являлась исчезнувшая рукопись Zach. Более богатое рукописное отражение имеют прооимии № 3 и № 4. Первый содержится в рукописях В, Р и Zach. Прооимий № 4 имеет место в рукописях В, U, V. Ф. Тиннефельдом устанавливается внутренняя взаимосвязь рукописей, их палеографические, лексические и грамматические особенности.

Изданные прооимии Димитрия Кидониса представляют собой составные части хрисовулов Иоанна V Палеолога. Текст прооимия № 1 состоит из введения (прооимия в узком смысле слова), а также *pagratio* хрисовула, данного монастырю Спасителя Пантократора в Дидимотике в связи с подтверждением его прав и привилегий. Прооимий № 2 также состоит из вступления и части хрисовула, изданного по просьбе матери императора Анны Савойской увеличить доходы монастыря Продрома в Фессалонике. Прооимий № 3 представляет собой практически без малого весь хрисовул, данный Иоанном V Палеологом его сыну Мануилу по поводу назначения его владыкой городов Македонии и Фессалии. Прооимий № 4 Димитрия Кидониса состоит из вступительной части хрисовула Иоанна V, передавшего своему сыну Михаилу владичество над Загорой. Таким образом, речь идет не о прооимиях в узком смысле слова. В текстах № 1, 2 и 3, помимо собственно прооимия, содержится изложение ситуации, которая породила необходимость издания хрисовула (*pagratio*). Прооимий № 3, наряду с отмеченными частями акта, имеет также распорядительную часть (*dispositio*), оборванную лишь в самом конце. Только последний текст представляет собой «чистый» прооимий. Дипломатическая характеристика текстов, сопровождающая их публикацию, корректирует наши представления о Димитрии Кидонисе как авторе не только риторических вступлений, но и конкретной части актов.

Значительное место в комментировании текста прооимиев уделено вопросу времени их написания. Ф. Тиннефельд уточняет датировку хрисовула № 1, определенную Ф. Дэльгером и П. Виртом как ноябрь 1354 г.³ Он учитывает в качестве определяющих дату моментов события жизни трех лиц: автора прооимия Димитрия Кидониса, санкционировавшего хрисовул Иоанна V Палеолога, и упомянутого в тексте иеромонаха Гавриила. Кидонис вернулся на службу к император-

¹ *Hunger H.* Prooimien. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. Wiener byzantinische Studien. Bd. 1: *Browning R.* Notes on Byzantine Prooimia. Wien, 1966. Wiener byzantinische Studien. Bd. 1. Supplement.

² Ссылаясь на общие работы по дипломатике, Ф. Тиннефельд не назвал исследования П. А. Яковенко «Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Исследования в области византийских грамот» (Юрьев, 1917). Работа П. А. Яковенко, содержащая общий анализ формулы императорских актов, называет среди авторов прооимиев хрисовулов Димитрия Кидониса (Указ. соч., с. 84).

³ *Dölger F., Wirth P.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches vom 565—1453. München, 1965, T. 5, N 3030, S. 37.

скому двору в 1356 г. Иоанн V Палеолог мог познакомиться с Гавриилом, которого он называет своим духовным отцом, в 1352 г., когда Иоанн Кантакузин выделил ему Дидимотику в качестве важной части его владений (или вскоре после этого). К сожалению, интересные поиски издателя каких-либо дат или событий жизни Гавриила, упомянутого также в маргинальной записи рукописи Cod. Paris. gr. 1247, не дали Ф. Тиннефельду каких-либо существенных «зацепок». В целом он относит возможные временные рамки появления акта к 1356—1357 гг. При этом, однако, не оговаривается окончательное отношение к *terminus ante quem* — дате завоевания Дидимотики турками в 1361 г.

Для прооимия № 2 Ф. Тиннефельд дает следующие границы датировки: вступление Димитрия Кидониса на службу к Иоанну V Палеологу (примерно 1356 г.) и смерть матери Иоанна V Анны Савойской (около 1365 г.). При этом учитывается время, когда Кидонис уже мог написать похвалу бывшей противнице его покровителя Иоанна Кантакузина. Эта обоснованная датировка не соответствует той, которая предлагается в «Регестах императорских документов»⁴.

Третий акт, изданный Ф. Тиннефельдом, имеет более точный диапазон датировки: между 28 октября 1371 г. и зимой 1371/72 г. Как отмечалось в комментариях к письмам Димитрия Кидониса, Мануил в знак благодарности за составление акта послал автору кубок⁵. Позднее Кидонис сам вспоминал о поручении Иоанна V риторически оформить похвалу его сыну (с. 184).

Признанными временными вехами для прооимия № 4 являются 1367 — лето 1373 г.⁶ Однако Ф. Тиннефельд тонко замечает, что невероятным является выдача акта Михаилу раньше, чем более старшему и самому любимому из трех сыновей Мануилу. В силу этого издатель уверенно полагает, что *terminus post quem* прооимия № 4 является выдача документа Мануилу, т. е. ноябрь-декабрь 1371 г.

Комментарий Ф. Тиннефельда содержит заслуживающие внимания исторические справки, пояснения, уточнения. К примеру, он дает обстоятельную презентацию прооимию № 3 как документу, отражающему довольно раннюю стадию развития апанажа в Византии в связи с передачей Мануилу городов Македонии и Фессалии. В целом он удачно реализует те пожелания постигнуть скрытый смысл риторических произведений, которые неоднократно высказывались в трудах византистов. Работа Ф. Тиннефельда свидетельствует, что ученый по отдельным намекам (слово *die Anspielung* в его комментариях является одним из наиболее употребляемых) восстанавливает

ситуации, порой даже черты характера, настроения, отношения людей друг к другу. За отдельными аллюзиями он видит факты поездки Иоанна V в Венгрию, упоминание о чуме в Венеции, оценку турецкого господства. Умолчание в прооимии № 3 о старшем сыне Иоанна V до вольно тонко определяется Ф. Тиннефельдом как проявление негативного отношения отца к нему в связи с реакцией Андроника на призыв Иоанна о помощи в период его пребывания в Венеции. При комментировании прооимиев учитывается издателем опыт историографии по рассматриваемым вопросам.

Ф. Тиннефельд рассматривает прооимии Димитрия Кидониса в тесной связи с его творчеством. Он проводит аналогии с такими его произведениями, как речи «Pro subsidio Latinorum», «De contemnenda morte». Заметим, однако, некоторую неточность в отношении установления параллельного в смысловом плане пассажа о предусмотренности удовольствий: Ф. Тиннефельд ссылается на 5-ю главу сочинения Кидониса «О презрении к смерти», в то время как этот мотив развивается в 6-й главе указанного сочинения⁷.

Несомненно, в работе Ф. Тиннефельда над текстом прооимиев Димитрия Кидониса сказался его опыт по изданию перевода писем этого автора. Многие намеки прооимиев тождественны тем, что содержатся в письмах Кидониса. Более 30 раз отсылает издатель при комментировании текста прооимиев к своей работе по интерпретации писем. Прекрасно владея содержанием писем, Ф. Тиннефельд определенно и четко выявляет смысл намеков, содержащихся в прооимиях.

Ф. Тиннефельд продолжает начатую им при обработке содержания писем Димитрия Кидониса работу по выявлению используемых византийским ритором топосов. Ученый обнаруживает большую эрудицию, устанавливая традицию топосов, восходящую к античным авторам. Он фиксирует также употребление топосов, характерных для самого Кидониса. Издатель уточняет в комментариях понимание им отдельных метафор, значения слов, понятий, соотносит свой перевод с интерпретацией некоторых фрагментов текста другими исследователями.

Слабее представлена в работе Ф. Тиннефельда дипломатическая часть анализа. Он лишь фиксирует наличие композиционной неоднородности прооимиев (ч. 1, с. 14—15), указывает в примечаниях переход текста от одной части прооимия к другой (прооимий № 2, примеч. 4, 10), проводит сравнение прооимиев по мотивам выдачи документа (прооимий № 3, примеч. 4). Однако издателем не учитывается наличие (или отсутствие) стержневых слов, характерных для той

⁴ Regesten, N 3031, S. 37.

⁵ Demetrios Kydones. Briefe/Übers. und erläut. von F. Tinnfeld. Bibl. der griech. Lit., 12. Stuttgart, 1981, Bd. I/1, Br. N 85, S. 477, Anm. 1.

⁶ Regesten, N 3222, S. 79.

⁷ PG, t. 154, col. 1180 D.

или иной части императорских актов⁸. Ученый обошел молчанием вопрос о том, насколько соответствует структура прооимиев Димитрия Кидониса классификации, предложенной Г. Хунгером, в частности выделению им двух- и трехчастных прооимиев⁹. Можно было бы

выделить в прооимии № 2 такую часть, как *petitio*.

Публикация Ф. Тиннефельда вносит весомый вклад как в изучение творчества Димитрия Кидониса, так и в исследование поздневизантийской риторики и дипломатики.

М. А. Поляковская

K. E. Müller. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1980, Teil II. 563 S.

Работа Клауса Мюллера представляет собой второй том (первый вышел в 1972 г.) исследования, имеющего целью охватить всю историю этнографической науки в древности. Этот том состоит из трех разделов: Рим, христианская древность и средневековье, Византия. Ниже мы остановимся лишь на этом последнем (с. 397—520), хотя отдельные упоминания о византийских авторах содержатся и во втором разделе. В предисловии автор рассказывает, с какими народами приходилось Византии сталкиваться, повествует о миссионерской деятельности (почему-то не говоря о крещении Руси), о специфике византийской образованности и науки, а затем (с. 417—449) переходит к представлениям империи о «варварах», рассматривая истоки, характерные черты и особенности этих представлений. По мнению автора, успехи византийской историографии объяснялись тем, что в этой сфере нельзя было впасть в ересь. В своих этнографических экскурсах историки подчас достигали убедительности и достоверности, практические нужды торговли и дипломатии побуждали ромеев интересоваться окружающими народами, но следование канонам античности, приверженность стереотипу и предубеждение против «варваров» мешали «созданию солидной познавательной и предсказательной этнологии» (с. 538). Идеология культурного субъективизма вела Византию к «историческому солипсизму». Далее следуют очерки, посвященные отдельным писателям: Иордану, Агафию, Кориппу, Прокопию, Феодилaktu Симокатте, Льву Диакону, Никифору Григору, Лаонику Халкондилу (с. 449—498). В заключительном разделе отмечается, что присущее византийцам представление о своей избранности имело следствием вычеркивание «варваров» из истории. Общими проблемами развития культуры в Византии также никто не интересовался (в качестве исключений названы Цец и Косьма Индикоплов). Над причинами культурных различий задумывались, согласно К. Мюллеру, Прокопий и Агафий. В целом же византийцы не использовали открывавшихся перед ними возможностей. Традиционализм стал их проклятием. Таков вывод автора книги.

Поскольку двухтомная монография К. Мюллера носит обзорный характер, охватывает громадный период времени и включает упоминание о сотнях источников, вполне естественно, что многие разделы написаны по литературе. Скорее можно пожалеть о другом: число использованных автором византиноведческих работ не так уж велико, чуть больше 50, из коих 20 — это издания и переводы текстов. Автор не уберется от ряда досадных оговорок, некоторые из которых мы отметим: Святослав стал киевским князем никак не в 961 г. (с. 403); монголы разбили половцев в 1223, а не в 1239 г. (с. 404); афинская Академия существовала до 529 г., а не до «середины VI в.» (с. 410); утверждение, будто Прокопий был в Константинополе до начала своей службы у Велисария (с. 467), не имеет под собой оснований; вряд ли можно говорить об аварской экспансии до второй половины VI в. (с. 475); протоболгары Аспаруха перешли Дунай не при Константе II (с. 484), а при Константине IV; наконец, никак нельзя считать сообщения Льва Диакона о русских и болгарх древнейшими известиями об этих народах (с. 481). Однако дело не в этих оплошностях.

Посмотрим, представлен ли список авторов, рассматриваемых в книге. Среди писателей, заслуживших отдельной рубрики, мы находим Кориппа, занимающего весьма специфическое место в византийской литературе; и Иордана, строго говоря, вообще к ней не относящегося¹, но не встречаем ни Анны Комниной, ни Никиты Хониата. Лишь случайных упоминаний походя удостоиваются Приск, Менаандр, Пселл. Вообще ни разу автор не вспомнил про Феодосия Диакона, Атталиата, Маврикия и т. д. Однако и из привлекаемых авторов далеко не все известия используются, как, например, свидетельства об аварах у Кориппа, о персах у Прокопия, о славянах у Симокаты и др.

Будем, впрочем, говорить о том, что есть в книге Мюллера, а не о том, чего в ней нет. Многие тезисы автора могут вызвать возражение. Так ли уж редка в Византии идеализация «варваров», как это ему представляется (с. 434)? Можно ли согласиться с тем, что «как на западе, война

⁸ Яковенко П. А. Указ. соч., с. 85—86.

⁹ Hunger H. Op. cit., S. 188—208; Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968, Bd. 1, Abschnitt 1, S. 121—122.

¹ Не допускает ли автор ошибки, повсеместно ставя на одну доску византийские отзывы о «варварах» и отзывы «варварских» христианских писателей о языческом прошлом собственного народа (см. с. 424; ср. там же, примеч. 161; ср. с. 449, 455—457)?